

АПТЕКАРСКИЙ ОГОРОД

если говорить о том какой у меня самый любимый народ
то мне больше всех нравится аптекарский огород
нарциссы тюльпаны ландыши магнолия и сирень
всех его дивных жителей перечислять мне лень

все эти белые жёлтые красные голубые
из-под земли растущие розовые любые

на тонких и толстых ножках на ветках на облаках
все они разговаривают на семидесяти языках

у тюльпанов голландские диалекты у магнолий крымские у сирени персидский
разрез лица
все балаболят флиртуют влюбляются без конца
вот стою я такой на мостике а вишни в белых пижамах всё прут и прут
но золотая рыбка шепчет прыгай ко мне
и я погружаюсь в пруд

СТРАСТИ БОЛОТНЫЕ

как они попадают во все эти топи болотные
эти наши кикиморы милые нерасторопные
эти звонкие девочки криком округу пугающие
ничегошеньки в этих болотах не понимающие

если крикнешь ау набегут посмотреть на заблудшего
даже если ты им пожелаешь всего наилучшего
увлекут тебя смехом ужимками в топи болотные
эти девочки милые добрые и подколенные

то им жарко то пусто то холодно то одиночно
то по ласке мужской затоскуют красавицы очень
душной ночью болотной прилягут со странником встреченным
и потянет по мёртвой округе живой человечинной

ДОЛГАЯ ДОРОГА В ДЮНАХ

дюна – это такой бархан движимый ветром и морем
на ней могут расти леса внизу пламенеть озёра
дюна – живая она ползёт песчинки шагают строем
ветер рисует на ней космические узоры

у дюн бывают братья и сёстры – дюны постарше и помоложе
дюнам дают имена и охраняемые зоны
у дюн бывают выражения лиц добрее и строже
в дюнах живут рыбаки и творческие кобзоны

а ещё в дюнах можно идти взявшись за руки
слушая голос ветра босыми ногами наступая на пятки прибоая
видишь большие бакланы ныряют как маленькие динозаврики
ныряют и не выныривают до отбоя

ПО МОТИВАМ КЛОДА МОНЕ

всё полем и полем тропинкой
сквозь марево мреющих трав
срывая ромашки люпинки
для разных зелёных забав

идём через алые маки
сурепки лимонный настой
мы дети и мы зодиаки
равны пред земной красотой

вот пижма таблеткоголова
вот тысячелистник как снег
среди звёзд зверобоя столовых
потерян чудак-человек

ВОСПОМИНАНИЕ О ДОВОЕННОМ КИЕВЕ

столько уж лет прошло с этой большой беды
кто меня помнит в Киеве разве его сады
камни Крещатика которые разобрали
ботанические сады по которым тогда гуляли

в киевском Доме учителя читывали стихи
на даче возле Днепра совершали свои грехи
грех винопития и честолюбия грех
впрочем любили всех

в Гидропарке в Софии Киевской у Владимира над Днепром
что мы тогда искали – любовь свою или дом
на Андреевском спуске в музее Булгакова входишь в старинный шкаф
и лежит довоенный Киев смертию смерть поправ

ВЕСНА В ПЕРЕДЕЛКИНЕ

Павлу Крючкову

а потом поэт доживает свою судьбу
после главных своих стихов после того как перевернёт мир
живёт в каком-нибудь Переделкине в сосновом раю-гробу
будущих поколений и современниц кумир

ходит по аллеям кладбища между Семёном-Инной-Арсением-Борисом-Евгением
на поминальных лавочках листает лесной фейсбук
разговаривает то с одним то с другим гением
простым наложением на надгробия рук

сквозь могилы фундаменты постаменты
пробиваются папоротники дальние родственники динозавров и первых людей
и нежно-нежно маленькими белыми венчиками цветут маморотники
россыпью ещё не рождённых стихов и детей

МУХА

Памяти Ю. П. Кузнецова

и тогда мы с мухой посмотрели друг другу прямо глаза в глаза
и взгляд её вошёл в меня как стрела как кусунгобу как молодая фреза
я вдруг увидел то что она увидела сначала её чёрно-белые фасеточные миры
и мы с ней стали единым целым частью одной ролевой игры

а потом я посмотрел внутрь себя глазами навозной мухи и многое рассмотрел
там где в потайных закоулках мозга скрывается за предел
там где давно похоронены воспоминания люди и имена
там где давно забыта и похоронена ваша моя война

знает ли муха сколько трупов хранится в каждом из нас
каждый харон своей памяти и каждый из нас водолаз
и когда для разгадки очередной тайны
мы достаём свой титаник каждый титаник свой
мы рискуем и жизнью и именем и словом и головой

трюмы наших титаников набиты золотом виски сигарами и виной
а пассажиров давно уже нет наливай за них по одной
пассажиры наших титаников ждут нас на небесах
и я размахнулся книгой и впечатал муху в книжную полку
до звёздных искр в глазах

РЫ-БОГ

эй ты там рыбачок-чурбачок что ты ловишь в этой мутной воде
по колено или по что повыше стоя в её молодой слюде
уперев свой стеклянный взгляд в трепещущий поплавок
что там ходит под кожей реки разве что суши вок

что стоишь ты по стойке смирно и взгляд твой стоит как столб
уперевшись мыслью о рыбе в реку уперев в мокрый воздух лоб
хочешь знать что рыба думает о тебе стоя прямо перед тобой
правда хочешь не дрогнешь милый ну готовься тогда ковбой

рыба думает я живу здесь тысячу лет вижу разных людей и царей и трупы павших
плывут надо мной в воде
рыба думает я так давно живу что лучше них самих знаю этих странных людей
а они всё приходят приходят со своими удочками и стоят в немом воздухе
бессловесны как образа
я смотрю на них снизу вверх сверху вниз а иногда прямо смотрю в их голубые глаза

но они не видят меня не слышат меня словно зомби стоят доднесь
сотни лет стоят как утопленники перекошены отморожены нарисованы там и здесь
это просто рыбаками словно гвоздями к земле приколочены берега
это из-за них течёт по одному и тому же руслу приколоченная река

когда подгнивает такой рыбачок и уходит на слом его заменяет другой
там есть у них на земле один человек который управляет моей рекой
но когда он уходит в загул от тоски от того что столетье тошно и грустно
тогда река сносит его рыбачков-чурбачков и меняет русло